

Княжна Ривка

Когда Арнольд сказал по телефону, что приедет в аэропорт провожать меня, я, признаться, несколько удивился – что за сентиментальности такие? Но с другой стороны – мы добрые, хотя и недавние знакомые, почему бы и не проводить, если есть время.

Мы договорились встретиться у ворот, где просвечивают багаж, и когда я появился в назначенном месте, Арнольд уже ждал меня. Посадка не начиналась, у нас было минут двадцать в запасе. Мы расположились на диване лицом к летному полю.

Я заметил, что Арнольд нервничает. В который раз он желал мне счастливого пути, и в который раз спрашивал, когда я вернусь. В руках он вертел какой-то пакет, обернутый в яркую бумагу. Наконец, после паузы, видимо, собравшись с духом, он сказал почти торжественно:

– Мы с тобой давно знакомы... ну, довольно давно, и я считаю тебя своим другом. – Он сделал паузу и вопросительно посмотрел на меня. Я молча слушал. – Я хочу обратиться к тебе с такой просьбой: передай вот это – он помахал свёртком – одному человеку в Москве. Вот тут телефон и адрес.

Я невольно рассмеялся:

– Всех-то дел? Ты так торжественно начал, я уж не знал, что подумать. Конечно, передам, о чём разговор!

– Это не всё. – Он опять заёрзал на месте и помолчал. – Видишь ли, эта женщина... в общем, моя бывшая гёрл-френд, понимаешь? Дело давно было, до женитьбы. Но Фира всё равно знать не должна... Так что... ну, ты сам понимаешь.

– Всё понял. Забуду в тот же момент, и никогда ни слова.

Он заглянул мне в глаза:

– Я бы хотел, чтоб ты правильно понял. Всё в далеком прошлом. Мне было тогда двадцать, я на втором курсе учился, а ей на год меньше. Что было? Была любовь, бешеная, неистовая. Какая-то прямо круглосуточная... Ну, был аборт – помнишь, как тогда обстояло с этим делом... Дома, конечно, скандалы, и у меня, и у неё. Я стал плохо учиться, чуть из института не вышибли. Она и вовсе с семьёй рассорилась, переселилась к бабке в Горький. Бросила учиться, пошла работать. А ведь она из очень приличной семьи. Отец её даже в советские времена кичился дворянским происхождением.

– Почему ж вы не поженились?

– Ты что не понимаешь? Она русская. Мои гомельские родственники меня бы просто убили. И мама, и бабушка, и две тетки... Смеёшься – жениться на шиксе! Ну, пусть не убили, но уж прокляли бы навсегда, это точно, и лишили бы всякой поддержки. А как я, студент второго курса?.. Вот ты тоже из еврейской семьи, а у вас по-другому...

В моей семье, действительно, всё было иначе. Мои родители по всякому поводу повторяли, что они интернационалисты, что национализм – отвратительный пережиток прошлого, и что надо хорошо относиться ко всем людям, независимо от их национального происхождения, поскольку все они равны и одинаковы. А в школе соученики называли меня ж*дом и били... Впрочем, речь не об этом.

– Столько лет прошло, а вот... – Арнольд замолчал на полуслове и вздохнул. И словно спохватившись. – Нет, у нас с Фирой всё в порядке, ты не подумай... Отношения нормальные, дочка растёт.

– А всё-таки вспоминаешь ту, прежнюю.

Он усмехнулся:

– Не вспоминаю, старик, а постоянно думаю... Только всего этого ей не рассказывай. Просто передай привет и вот это. – Он протянул мне пакет в яркой оберточной бумаге. – Тут диски – музыка, которую мы вместе слушали: Фрэнк Синатра, Пол Джонс, Арита Фрэнклин... В общем, сентиментальные воспоминания. А вот тут я написал её телефон и имя.

Я взглянул на него словно впервые, стараясь представить себе его в роли героя романа. А что, вполне... Роста высокого, лицо приятное: широко расставленные глаза, большой лоб, яркий рот...

Он хлопнул меня по спине и протянул пакет:

– Давай, старик, счастливого пути. Честно говорю – умираю от зависти, ведь ты увидишь её через день...

Через день я её не увидел, и через два тоже – был очень занят. Дело в том, что в Москву я приехал почти с дипломатической миссией. Сейчас объясню. Я работаю в солидной нью-йоркской строительной компании, и президент нашей компании на совещании в Давосе однажды познакомился с большим начальником из московского городского управления, или как они себя любят называть, из „московского правительства“. Важная персона, чуть ли не третий или четвёртый после Лужкова (на то время мэр города Москва – ред.). Так вот, пока наш президент угощал персону обедом и поил в баре, она (персона) надавала ему (президенту) множество заманчивых обещаний. Совет директоров, говорят, устроил овацию, когда президент рассказал о содержании давосских застольных бесед. Ещё бы, осуществив эти обещания хотя бы наполовину, наша компания оказалась бы обеспечена работой на два десятка лет вперед. Но беда в том, что после возвращения в Москву персона повела себя так, будто никаких таких разговоров не было и даже Давоса на карте мира не существует. Возникла необходимость объяснить с этим деятелем начистоту и понять, чего он хочет (хотя это как раз можно было угадать). И вот выбор кандидата для этой довольно противной миссии пал на меня, поскольку я единственный из всего более или менее руководящего состава компании могу говорить с московским контрагентом с глазу на глаз, без переводчика.

Всё это прямого отношения к нашей теме не имеет, просто я хочу объяснить, как задёрган я был в первые дни в Москве. Этот тип из „московского правительства“ повёл себя противно. Первые два дня он держал меня то в приёмной, то у телефона, но так и не соизволил со мной поговорить. Принят я был лишь на третий день, и то в присутствии дюжины других чиновников, которые устроили мне перекрёстный допрос относительно моей компании, хотя на эту тему есть с десятков брошюр на всех языках, включая русский. А ещё на следующий день мне объявили, что господин NN уехал из Москвы на два дня. Я позвонил в Нью-Йорк; от меня требовали, чтобы я дождался его возвращения и попытался встретиться с ним для серьёзного разговора.

И вот тогда я вспомнил поручение Арнольда.

...Она, как мне показалось, даже не удивилась:

– Как же, как же, конечно помню. Как он там поживает? – Голос был ровный, певучий, с настоящим московским „а“. – Пакет? Спаасибо, очень тронута. Вот со временем у меня саав-

сем плохо. Да, каждый день. В субботу не могу. В воскресенье работаю. – Она рассмеялась. – Давайте вечером, после работы. Вы где остановились? Вот и чудесно. Встретимся в вестибюле. Завтра, скажем, в восемь... нет, лучше в восемь-тридцать. Устраивает?

И вот, мы сидим в глубоких креслах посреди сияющего мрамором и золотом вестибюля, я слушаю её плавную речь и неотрывно смотрю на неё, пытаюсь понять, какая сила может удержать мужчину жениться на такой женщине? Какие гомельские родственники в состоянии это сделать?

Она удобно расположилась в кресле. Тёмный тон полудлинного платья из плотного шёлка подчёркивает белизну шеи, а серый оттенок гармонирует с цветом глаз. В ушах поблескивают старинные бриллиантовые серьги. На мраморный кофейный столик она бросила сумку, вынув из неё предварительно похожий на пудреницу розовый телефончик.

По моей просьбе она рассказывает о своей жизни:

– Мы живём вчетвером – муж, две дочки и я. Старший сын уже большой, студент, дома не живёт. – Она говорит и всё время улыбается, и эта постоянная улыбка придает её словам, самым обычным, какое-то необъяснимое дополнительное значение, как будто она имеет в виду что-то гораздо большее, чем выражают её слова. – Муж мой – врач, хирург. А у меня – свой бизнес. Ох, и не говорите! Я – и владелец, и директор, и модельер и... и всё остальное. – Она запрокидывает голову и смеётся, я смотрю на стремительный взлёт её шеи и заострённый подбородок, – пошивочная фабрика. Небольшая, пятьдесят человек работают. Наша специальность – женские платья. Вот вам образец. – С некоторым смущением она расправляет складки на платье. – Видите, приходится быть ещё и манекенщицей. Я сюда прямо после встречи с закупщиками.

Но почему именно швейная фабрика? Ей бы больше подошло... ну, не знаю... что-нибудь связанное с музыкой, что ли...

– Так получилось. Не знаю, говорил ли вам Арнольд... консерваторию мне пришлось оставить после первого курса, так обстоятельства сложились. Уехала жить в другой город, училась там, куда смогла поступить... В общем, инженер-технолог. Так что работаю по профессии.

– И довольны?

– Довольна? – переспросила она. – Можно сказать, да, довольна, хотя это не то слово.

– А какое слово „то“? – Я не мог удержаться от иронии.

Она сосредоточено помолчала и произнесла совершенно серьёзно:

– Я знаю, что я на своём месте, и что всё правильно. И понятно, зачем я стала технологом. Всё на своих местах.

Ответ мне показался несколько странным. „Своё место?“ Но, в конце концов, такой красивой женщине можно простить некоторые странности.

Между тем, она спрятала в сумку свой розовый телефончик, сунула туда же привезённый мной пакет и привстала с кресла:

– Ну, хорошо, приятно познакомиться и большое спасибо. Арнольду передайте самые...

– Нет-нет! Подождите, что ж вы прямо сразу... – я вскочил и даже развёл руки, как бы пытаюсь её остановить. Мой порыв был вполне искренним. – Мы ведь совсем не поговорили. Прошу вас, давайте пообедаем вместе, здесь ресторан неплохой.

– Спаасибо, большое спасибо, но пора домой. Никак не могу...

– Почему? Позвоните мужу, может он к нам присоединится. – Это приглашение, честно говоря, было не вполне искренним...

– У Миши сегодня ночное дежурство, к сожалению. Девочки дома одни, младшую пора спать укладывать. Смотрите, десятый час уже!..

Она порывисто поднялась из кресла, подхватила сумку и повернулась к выходу.

– Самые лучшие пожелания Арнольду, – сказала она уже на ходу. – Как он там? Устроился?

– Вот видите, мы ни о чём не поговорили, – я трусил за ней к выходу.

– Мне очень неудобно, право слово. Но когда оно само складывается... Нет-нет, мне нужно скорей домой.

– Ну, тогда я вас хотя бы провожу – поговорим по дороге.

– Если вам удобно... Очень любезно. Тут недалеко до метро. – И уже на улице: – Так как его жизнь? Дети у него есть?

Я принялся обстоятельно рассказывать про Арнольда, его семейную жизнь, его дочку, его работу... Мы шли в густой толпе, она ловко обгоняла прохожих, я едва поспевал за ней. Как вдруг откуда-то донесся резкий звонок. Она остановилась, и начала лихорадочно шарить в своей сумке пока, наконец, извлекла оттуда заливающийся звоном розовый телефон. Поспешно открыла крышку, прижала к уху:

– Я слушаю. Саша! Саша! Где ты находишься? Что? Не можешь сказать... Ну, ты в безопасности, по крайней мере? Ты здоров? Ты невредим?

Она прижала телефон к уху и заткнула пальцем другое ухо. Людской поток снёс её к краю тротуара, но и здесь её продолжали толкать со всех сторон. Она ничего не замечала.

– Зачем ты мне говоришь, я же слышу... Да, выстрелы слышу. Далеко? Как далеко? Я не расспрашиваю тебя о подробностях, не можешь – не говори. Я только хочу знать, когда вы вернётесь на базу. Не знаешь? Хорошо, позвони, позвони сразу же. У меня телефон всегда включён. Ну, береги себя... – и добавила что-то непонятное, как на другом языке.

Разговор прекратился. Она по-прежнему стояла на крае тротуара, прижимая трубку к груди и глядя перед собой невидящими глазами. Я взял её под локоть и оттянул из толпы в нишу каких-то ворот. Она посмотрела на меня широко открытыми, сухими глазами:

– Это Саша. Мой сын. Целый день ждала его звонка... В это время он обычно не звонит.

– Что с ним?

Она молча отвела взгляд. Я чувствовал, что не имею права расспрашивать, но всё же спросил:

– Где он находится?

Она продолжала смотреть в сторону, словно решая, сказать или не говорить, потом опять взглянула мне в глаза:

– В Цахале.

– Что? – я такого слова никогда не слышал.

– В Цахале, – повторила она, – в Армии обороны Израиля.

От удивления я потерял дар речи. Если бы она сказала „на Луне“, я б и то удивился меньше.

– Из Бейт-Лехема звонил. Что там происходит? Ничего не рассказывает.

Она прикрыла глаза ладонью и что-то прошептала, как будто прочла короткую молитву. Потом решительно бросила телефон в сумку и оглянулась по сторонам.

– На метро получится поздно, я такси попытаюсь поймать. Тут за углом. А вам спасибо. Арнольду, пожалуйста, передайте...

– Но позвольте! Вы не можете уйти просто так, ничего не объяснив. Почему вдруг ваш сын воюет в Израиле? С какой стати? Что я скажу Арнольду?

– Вы правы, – её обычная улыбка вернулась на своё место. – Наверное, мы должны увидеться ещё раз, это возможно? Я позвоню вам в гостиницу, и мы договоримся. А сейчас извините, я должна немедленно...

И она скрылась за углом.

На следующее утро я снова звонил в Московское управление и мне сказали, что г-н NN очень занят и принять меня не может. Ни сегодня, ни завтра, ни в ближайшие дни. Что мне следовало делать? В Нью-Йорке было два ночи, на работе раньше девяти утра никто не появится, а звонить в такое время кому-нибудь домой я не посмел. Я решил поехать в управление, попытаться что-нибудь разузнать – ведь должны быть какие-то причины такого поведения. Увы, ни один чиновник, ни одна секретарша говорить со мной не желали, только отвечали, что без NN вопрос мой никто не решит, сам же он отсутствует. А в какой-то момент я увидел представительную спину NN, когда он проследовал от своего кабинета к машине. В общем, до меня окончательно дошло, что миссия моя провалилась. В пять часов по московскому времени, то есть в девять утра по нью-йоркскому, я дозвонился до офиса президента своей компании, доложил всё обстоятельно и получил распоряжение немедленно возвращаться домой. Если не сегодня вечером, то завтра утром.

И тогда в моё сознание вошли те мысли, или вернее волнения, которые весь день подспудно меня тревожили. Как я могу уехать, не поговорив с ней, не узнав её истории. И нечего притворяться – вовсе не ради Арнольда. Эта женщина бесконечно интересовала меня сама по себе, с её плавным говором и быстрыми движениями, с её способностью к бизнесу, со смеющимся взглядом серых глаз, с её сыном и их тайной... Я не мог уехать, не повидав её.

Я не сообразил записать номер её розового телефона, а дома отвечали детские голоса:

– Мама придёт скоро. Мне уже спать пора.

Появилась она часам к девяти.

– Завтра утром я лечу домой, – сказал я. – Но до тех пор мы должны поговорить.

– Я сама в этом заинтересована, – ответила она неожиданно, – только как это сделать? Собственно, если вы завтра утром уезжаете, у нас одна возможность – сегодня вечером. Домой, извините, я вас пригласить не могу. Что бы придумать? Пойдите, помните то место, где мы вчера распрощались? Там чуть дальше по той же стороне есть кафе или закусочная. Не заметили? Вот там, если не возражаете. Младшую уложу и отправлюсь. Значит, через час примерно. Не возражаете?

Ровно через час она вошла в кафе, где я её ждал за столиком.

Она поздоровалась, села напротив меня и тут же извлекла из сумки розовый телефончик. На этот раз я знал для чего.

– Пока я не начал вас расспрашивать, давайте закажем ужин, – предложил я. – Не отказывайтесь, вы ведь не успели поужинать, я знаю. Верно?

– Нет-нет, я есть не буду, спасибо. Вы заказывайте себе, пожалуйста, не теряйте времени.

– Ну, хоть что-нибудь, хоть кофе или чай. А то мне неудобно как-то...

– Хорошо, пусть кофе или чай.

– И кусочек торта хотя бы. – Я развернул перед ней написанное затейливыми буквами меню. – Или вот пирог какой-то фирменный. Ну, пожалуйста!

Мне очень хотелось устроить подобие ужина, посидеть с ней подольше. Она вздохнула и с улыбкой посмотрела на меня. Я вдруг заметил, что глаза у неё не серые, как мне показалось в прошлый раз, а синие. Потом я сообразил в чём дело: на ней было синее платье.

– Поймите, не могу, даже чай пить не могу. Почему? – она улыбнулась своей непонятной улыбкой, – потому что еда здесь не кошерная, вот почему. Вы знаете, что такое кошер?

Некоторое время я не мог вымолвить не слова. Официант тщетно пытался завладеть моим вниманием, но так и отошёл ни с чем.

– Вы что – еврейка? – выдохнул я наконец.

– Да, – сказала она с подчёркнутой небрежностью: а что, мол, тут такого? – Да, верующая еврейка.

Мне как-то стало не по себе: ну, что она смеётся надо мной?!

– Слушайте, я ведь всего несколько дней назад говорил с Арнольдом. Он мне много рассказывал о вас, и в частности говорил... – я чуть не сказал лишнего. – Он говорил, что очень любил вас и не женился по той единственной причине, что вы не еврейка. Испугался своих гомельских родственников. Я думаю, потом пожалел, но было поздно.

– Но я действительно тогда не была еврейкой.

Я уставился на неё в полном недоумении.

– О, Боже, – она отвела взгляд, наверное, чтобы я не видел, что он выражает... – Вы до сих пор считаете, что еврей – это национальность и запись в паспорте? Вы никогда не слышали, что на протяжении истории множество людей стали евреями?

– Я знаю, что можно принять еврейскую религию...

– ... и стать евреем. Что со мной и произошло. Я приняла иудаизм и стала еврейкой по имени Ривка.

Понять это было трудно. Я попытался как-то совладеть со своими разбегающимися мыслями. Подозвал официанта, заказал еду и кофе для себя, чай для неё.

– Хорошо, мы не обсуждаем вопрос, можно ли стать евреем, – сказал я, когда официант отошёл. – Но простите. Я не могу понять логики вашего поведения. Когда речь шла о женитьбе, вы не переходили в еврейство, хотя это было единственным препятствием. А когда он бросил вас, едва не испортив вам жизнь, тогда вы стали еврейкой. Как это можно понять?

– Но я это сделала не ради него, к тому времени он уже женился на другой. Я это сделала в соответствии с убеждением, к которому я пришла постепенно.

– А вас не оттолкнул от евреев его поступок? Ведь он поступил так хоть и под давлением родственников, но по националистическим мотивам.

Она задумалась, глядя сквозь меня. Пальцы её теребили крышку розового телефона.

– Конечно, я была обижена, – проговорила она, – но обида обернулась интересом, желанием узнать этих людей, которые с таким упорством не хотят смешиваться с другими.

– Да бросьте – не хотят. Ещё как смешиваются! Не нужно далеко ходить за примером: я сам женат на русской, на Вере Калашниковой.

– Но есть противоположная тенденция – не смешиваться, сохраняться. Я поняла это тогда ещё, двадцать лет назад. Я жила у бабушки в Горьком... ну, после всей этой истории с Арнольдом. Мне очень повезло: я познакомилась с группой отказников, сблизилась с ними. Потом вместе с ними стала учить Тору. Это было ужасное для меня время, все от меня отвернулись, все кроме бабушки, маминой мамы, спасибо ей. Если бы не она и не эти отказники, не знаю, как бы и выжила. Они меня приняли, как свою. Там я познакомилась со своим будущим мужем, Михаилом – мы женились, когда я прошла гиюр. Я убедилась, что нет у них высокомерия или презрения к другим, а есть вот это самое желание оставаться самими собой. У других оно тоже есть: мой отец, к примеру, страшно горд родством с какими-то князьями с татарскими фамилиями, и чуть чего заявляет мне: ты изменила своим предкам, уйдя из православия. А я говорю: мои предки сначала были мусульманами – татарами, потом стали православными русскими – которым я изменила? Нас, говорит он, Алексей Михайлович избрал в семнадцатом веке. А я говорю: а ты подумай, Кто евреев избрал и в каком веке... Евреям есть, что хранить и почему сохраняться – можно ли их за это осуждать? А те гомельские родственники Арнольда – на их глазах во время войны погибли тысячи евреев, они чудом уцелели, у всех у них единственный потомок – Арнольд. И вот, он заявляет, что женится на нееврейке. Это значит, что его дети не будут евреями. Такое непросто вынести, можете мне поверить. Скажу вам откровенно: если мой Саша надумал бы так поступить, я бы сражалась с ним до последнего... – Она тряхнула головой, как бы отгоняя страшные мысли, и посмотрела на розовый телефон.

– Вы его из-за этого и отправили в Израиль?

– Отчасти. Но главным образом, потому что подходил срок службы в армии, а как он может служить в российской армии? Как он будет соблюдать кошер, субботу, праздники? Да он и сам изо всех сил рвался в Израиль. Израильскую жизнь он знает, он там много раз бывал, в лагере три лета провёл, на иврите говорит отлично. У меня обширные связи в Израиле. Деловые в основном: я там всю свою продукцию сбываю.

– Швейную продукцию в Израиле? Там наверняка своей полно, и хорошей! Я слышал от жены... как это? „Готекс”.

Она расхохоталась:

– В самую точку... „Готекс” выпускает купальники, а я – платья для религиозных женщин.

– Но ведь и этого, наверное, там сколько угодно.

– Конечно. Но мне удалось найти, что называется, свою нишу. Я доказала на деле, что „кошерные” платья могут быть элегантными, женственными и даже модными. У меня всё больше и больше покупательниц. Вы наверняка видели, как выглядят ортодоксальные еврейки в длинных юбках, чёрных платках и мужских ботинках. Это отпугивает молодежь, создаёт неправильный имидж. А это вовсе не закон, это заблуждение. Наш закон не предписывает женщине ходить на чучело, почитайте хотя бы „Песнь песней”. Да, должны быть закрыты локти и колени – ну и что? Сколько угодно простора для линии, стиля, цвета...

– Но есть и другие ограничения, – предположил я.

– Не так много. Ткани, например, не должны быть смешанные: чистый хлопок, чистая шерсть, чистый шёлк... евреи не любят смешений, – это было сказано с тонкой улыбкой. – Нитки тоже не должны быть с синтетикой. Ну, само собой, фабрика не должна работать в субботу и по праздникам. И кое-что ещё – у меня есть компетентные консультанты. Раввины. – И словно спохватившись: – Но я и сама законы знаю, я их учила всерьёз. Я даже семинар у себя в синагоге веду на тему „Права женщин по Галахе”. – И совсем другим голосом – певучим, ласковым: – Да что же вы не едите, стынет ведь! Приступайте, я вам мешать не буду, я пока позвоню.

Она быстро набрала номер на розовом телефоне. Я ел и не прислушивался, но всё равно слышал весь разговор:

– Ты уже дома? Что там у вас? Лие тоже пора. Уже в ванной? Хорошо, проследи только, чтобы недолго. Нет, не звонил, и сегодня уже вряд ли. Я скоро. Нет, не сказала. Не могу решиться. Ну, если не очень голодный, дождись. Целую.

И она стала прощаться.

– Спасибо за диски. Арнольду привет и благодарность. Я ответ не писала, но на словах передайте, что обиды на него я не держу, желаю ему счастья. Сколько лет его дочке?

На следующее утро я улетаю домой. Расплатившись в гостинице, я ждал такси в вестибюле – в том самом вестибюле, где мы сидели с ней в первый вечер. Ко мне подошёл швейцар и сказал, что меня разыскивает администратор. Я подошёл к администратору, и он сказал, что мне только что кто-то звонил, но другой администратор, „вот та женщина”, сказала, что я выписался и уже уехал. „Вот та женщина” сказала, что звонил женский голос, спросил меня и больше ничего не сказал.

С тем я и сел в такси. По дороге в аэропорт я гадал, кто это мог быть, и получалось, что она, потому что если бы из Нью-Йорка, то говорили бы по-английски, а если бы „московское правительство” надумало связаться со мной (что маловероятно), они бы действовали куда напористей, они бы всю гостиницу и весь таксомоторный парк на ноги поставили. Скорее всего, она.

Толчая и неразбериха в аэропорту сразу возродили в памяти картинки российской жизни. Я стал в конец бесконечной очереди и терпеливо ждал, гадая, успею ли на самолёт, до которого

оставалось меньше часа. Нервничал, злился, давал себе слово никогда сюда не приезжать... как вдруг увидел её. Она шла прямо ко мне, удивленно разводя руками.

– Что вы здесь делаете? – она даже не поздоровалась. – Так вы на самолёт опоздаете. Это всё? – она кивнула на мой багаж – чемодан и костюм в чехле. – Пошли!

Подхватив чехол с костюмом, она решительно двинулась в глубь зала. Я с трудом поспевал за ней, пытаюсь выхватить из её руки чехол.

– Да пустяки, не тяжело, – отбивалась она на ходу. – Вы декларацию заполнили?

Я извлёк из кармана изрядно помятый листок. Она взяла его и, не сбавляя хода, принялась изучать.

– Нет, не так. Дайте, пожалуйста, ручку, которой заполняли.

Я подал ей ручку. Тут она остановилась, присела на корточки и, подложив чемодан, исправила декларацию в двух местах.

Мы обошли очередь и протиснулись в какие-то боковые воротца.

– Нам нечего объявлять, – она протянула чиновнику декларацию, и мы с хода оказались в довольно тихой зоне перед паспортным контролем.

– Дальше я не могу. У вас ещё сорок шесть минут, успеете. Давайте здесь постоим, поговорим.

Я не знал, что и подумать. Разве не попрощались мы вчера, что могло измениться за ночь?

– Я понимаю ваше недоумение, сейчас всё объясню. – Она была взволнована и растеряна, я не видел её такой. – Сейчас... Не знаю с чего начать. Я хотела сказать вам ещё вчера, но не отважилась. А потом решила совсем не говорить. Но вот ночью сомнения опять одолели. Мы с Мишей чуть ли не до утра проговорили. Раввину звонили среди ночи, он говорит, в законе такой случай не предусмотрен. Я и сама знаю, что это скорее вопрос совести... В общем...

Она посмотрела на меня испытующе. Я вдруг заметил, что глаза у неё темные, зеленоватые.

– Что Арнольд говорил вам о наших отношениях? Упоминал ли он... ну, подробности... интимные детали?..

– Он говорил, что когда он вас оставил, вы были беременны и уехали к бабушке в Горький, чтобы в тайне от родителей сделать аборт.

– Не совсем так: никакого аборта не было. Я действительно жила у бабушки в Горьком и там родила. Таково было условие родителей, да я и сама понимала... В общем, я сначала родила Сашу, а потом, через год, вышла за Мишу.

– То есть вы хотите сказать, что Сашин отец... Я не посмел закончить фразу.

– Да, Арнольд. Он об этом не знает, я не говорила ему, мы с тех пор ни разу не виделись. Он даже не полюбопытствовал, как прошёл аборт... Впрочем, речь не о моих обидах и не о его поведении. Бог ему судья... нам обоим. Я решила тогда же, что он не узнает о своём сыне никогда. Во мне, конечно, говорила обида. Я считала, что он не заслуживает этого сына, он сам

дважды отказался от него: когда подталкивал меня на аборт и когда бросил меня беременную. Но со временем мне стало приходиться в голову...

Она прикрыла глаза и замолчала. Я ждал, потрясённый услышанным. Нас обтекала толпа пассажиров, моих попутчиков, спешивших на посадку. Но я забыл про свой самолет.

– Мы все выросли на материалистических представлениях: родители не те, кто родили, а те, кто воспитали. Это так и не так. По смыслу Торы, между отцом и сыном, вообще между родителями и детьми, есть нематериальная связь, её нельзя объяснить нашими представлениями о воспитании. Вот я и думаю: имею ли я право для своего удобства, а также (скажем честно) из-за обиды разрывать эту Божественную связь? Никто не может знать, к чему приведёт их связь, если она будет восстановлена. Арнольд может стать совсем другим человеком. Да и Саша... Вы понимаете?

Честно говоря, я не очень-то понимал. Да, биологический отец, да, биологический сын, но зачем это Арнольду с его Фирой? И тем более, зачем Саше? Кому нужна вся эта мистика? Пусть живут себе спокойно, как жили...

– Мы с Мишей об этом уже несколько лет думаем, хотя нам совсем не хочется потрясений. Поймите Мишу – он вырастил мальчика, он прекрасный отец, и вдруг какой-то посторонний... Но сомнения всё больше одолевали, а тут появляетесь вы с этими дисками. Что это – знак свыше?.. Мы с раввинами советовались, они склоняются к тому, что неправильно скрывать от Арнольда его отцовство. В общем, мы с Мишей просим вас взять на себя эту малоприятную миссию и рассказать Арнольду всё как есть. Без свидетелей, конечно, с глазу на глаз. Писать ему я как-то... Вы расскажите всё, и пусть он сам решает, что он хочет. Если он хочет, чтобы всё оставалось по-старому, очень хорошо, мы будем только рады. Но это уже будет его выбор, не мой, и навсегда. Ну, а если он захочет установить отношения с сыном, что ж, я должна буду их связать... Что скажете, вы согласны?

Конечно, я был согласен, с какой стати я бы отказался.

– Огромное вам спасибо, вы очень добры. – На глазах её навернулись слёзы. – Благослови вас Бог. – Она добавила что-то по-еврейски. И взглянув на часы: – Ох, бегите скорей, пятнадцать минут осталось!

Она махала мне вслед и даже послала воздушный поцелуй.

Надо ли говорить, что все девять часов полёта я думал об этой истории. Странно всё-таки и трудно понять. Зачем? Живут себе спокойно, так нет – ищут неприятностей на свою голову. Сначала мальчика в Израиль отправили, теперь вот с Арнольдом... Наверное, нам трудно понять психологию религиозных людей.

Арнольду я позвонил в первый же день, сказал, что видел её и что мне нужно кое-что ему передать. Нет, не вещественное, а на словах. Мы договорились встретиться у меня на работе, в конце дня, чтобы можно было закрыться и спокойно поговорить.

Я старательно пересказал всё в хронологической последовательности, подробнейшим образом, со всеми деталями. Он слушал, понятно, с большим интересом. Не могу сказать, что факт отцовства не произвёл на него должного впечатления, но в первую очередь его здесь беспокоило, чтобы не узнала жена:

– Заклинаю, старик, осторожней. Если Фирка узнает, она меня загрызёт, мне просто не жить. Ты в Москву письмо напишешь или по телефону? В общем скажи, что я желаю мальчику всего хорошего (как его зовут? Саша?), а рассказывать ему, кто его отец, не надо. Это только испортит жизнь и Саше, и мне. Неужели непонятно?

Он покачал головой и как-то жалобно проговорил:

– Мы же договорились об аборте...

Расспрашивал о ней: как она живет, кто её муж, счастлива ли она в замужестве, по моим впечатлениям? Важное место занимал вопрос, как она выглядит. Но самое большое впечатление на него произвел её переход в иудаизм. Он просто упокоиться не мог:

– Во даёт – Ривка! Она же русская, да не просто, а дворянского происхождения. Она мне говорила, что её семья в родстве с князьями Урусовыми. Ну и княжна! Такого во сне не увидишь: княжна Ривка!

А потом, как мне показалось, с горечью:

– Да, вот как обернулось. Кто мог бы такое предположить?..

Всё это я добросовестно отобразил в письме, и очень скоро получил ответ. Она горячо благодарила меня и выражала сожаления, что Арнольд, как было написано, упустил этот уникальный шанс изменить себя и своё отношение к жизни. Она писала также, что я всегда буду желанным гостем у них в доме в Иерусалиме, куда они переезжают в конце лета, до начала учебного года. Насколько возможно, она переводит свой бизнес в Израиль, а Мише обещали работу в частном госпитале.

Ле-шана хаба-а ве-ерушалаим – в будущем году в Иерусалиме, заканчивалось её письмо.

* * *

А теперь самое интересное. Эта женщина существует в действительности, я познакомился с ней в мае 2002 года в Москве. По понятным причинам, в своём рассказе я скрыл её имя, изменил профессию, придумал ей другую семейную историю. Бизнес у неё есть на самом деле, но не швейный. Но главное полностью соответствует действительности: русская женщина, потомок дворянского рода, приняла иудаизм и отправилась воевать в Израиль... на самом деле, не сына, а двух сыновей. Таковы факты.

Владимир МАТЛИН.